

Население Еревана. Этносоциологические исследования/Отв. ред. Арутюнян Ю. В., Карапетян Э. Т. Ереван, 1986. 250 с.

Рецензируемая книга — первая попытка монографического этносоциологического исследования целостного объекта — столичного республиканского города. И в этом смысле она представляет собой очередной шаг в развитии как этносоциологических исследований вообще, так и этносоциологии современного города в частности.

Источниковедческую базу работы составили материалы этносоциологического исследования Еревана, проведенного научным коллективом отдела этносоциологии Института археологии и этнографии АН АрмССР в 1970-х годах. В основу этих исследований была положена общесоюзная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», разработанная Ю. В. Арутюняном (Ин-т этнографии АН СССР). Им же написано предисловие. Наряду с этносоциологическими данными в работе широко использованы традиционные этнографические материалы.

Авторы каждого из разделов книги детально и комплексно разрабатывают отдельные социально-этнические аспекты городской жизни. Возможно, именно поэтому в большинстве разделов интерпретация и анализ эмпирических данных преобладают над простым их описанием, в чем мы видим несомненную заслугу авторского коллектива.

Тем не менее различная степень разработанности тех или иных сюжетов этносоциологии города, а также неодинаковый исследовательский опыт авторов обусловили различное качество разделов книги. Так, первые два раздела об источниках формирования населения Еревана («Источники формирования населения», «Изменение социального состава населения») написаны Р. С. Карапетяном в классической манере этносоциологического исследования.

На наш взгляд, детальный анализ источников формирования населения любого города чрезвычайно важен при этносоциологическом подходе к изучению городской среды (материально-вещной, пространственной и социальной), поскольку группы городского населения, различные по своему социальному статусу и вышедшие из разных регионов, являются носителями разных этноспецифических культурных моделей, во взаимодействии которых формируется своеобразный в этнокультурном отношении облик данного города. Здесь анализ прежде всего должен выявлять в ряду этих моделей ведущую с целью создания того концептуального стержня, вокруг которого может строиться исследование других этносоциальных аспектов функционирования города. Особенность населения Еревана в том, что оно формировалось преимущественно из представителей одной национальности — армян, выходцев практически из всех возможных социально-культурных сред: сельских и городских мигрантов из Армении, Грузии и Азербайджана, а также из зарубежных стран.

К сожалению, автор этого раздела ограничился лишь систематизацией и описанием официальных статистических данных и материалов, полученных в ходе эмпирического исследования. Следует отметить, что язык этого раздела несколько усложнен; особенно это ощущается в изложении первых его частей («Ереван — новый центр социально-культурного развития армянского народа», «Источники формирования населения», «Изменение социального состава населения»). Исключение составляет последняя часть второго раздела, посвященная развитию культурно-бытовых черт населения Еревана, особенно те страницы, где говорится об устойчивости семейных и земляческих связей, характерных для сельской культуры (с. 61—66). Здесь не только подтверждается прочность семейно-родственных и соседских связей в крупных городах некоторых этнокультурных регионов СССР, но совершенно обоснованно указывается на взаимозависимость этого обстоятельства и источников формирования городского населения. То же прослеживается и в закономерностях распространения «традиционных образцов поведения», а также их эволюции в городской среде. Такого рода выводы представляют большой теоретический и практический интерес.

Интересны выводы раздела «Духовная культура и средства массовой информации», написанного М. В. Акопяном. Автор объясняет возрастные особенности в потреблении духовной культуры проявлением различных исторически обусловленных ориентаций на культуру. Приводится следующее важное наблюдение: чем выше социально-профессиональный статус и моложе возраст, тем ниже доля ежедневно читающих газеты по сравнению с предшествующими поколениями соответствующих групп (с. 92—93). Это явление свидетельствует о переориентации молодежи всех социально-профессиональных групп на общегородские стандарты потребления культуры. В целом автору удалось проследить динамику формирования городских образцов потребления культуры и этноспецифические особенности такого потребления в Ереване.

Следует отметить разделы «Этнические особенности семьи» (автор — Э. Т. Карапетян) и «Современное состояние свадебной обрядности» (автор — Л. М. Варданян). Несомненная заслуга Э. Т. Карапетяна состоит в том, что она не ограничилась анализом преобладающего в городе типа семьи, а детально исследовала все типы семей. В самом деле, этнические особенности семьи легче исследовать, если преобладающий тип семьи рассматривается во взаимосвязи с другими типами. И здесь автору удалось проследить тесную взаимосвязь бытующих в Ереване типов семей с традиционными для Армении моделями. Автор определяет значимость таких факторов консервации традиционного типа семьи, как недостаток жилья, тип городской застройки, национально-культурные

ориентации различных групп населения города. Из анализа, проведенного в этом разделе, следует также, что становление и функционирование современного «универсального» типа городской семьи в значительной мере связано с местной этнокультурной традицией. Большую ценность для исследования этнических особенностей семьи имеет и прослеженная автором связь между составом семьи и характером внутрисемейных отношений, что существенно дополняет наши знания о влиянии социально-профессионального статуса членов семьи на эти отношения, а также позволяет сделать ряд других выводов.

Тему семьи продолжает раздел, посвященный становлению современной свадебной обрядности. Прежде всего здесь следует отметить четкое выделение ключевых компонентов традиционного армянского свадебного обряда, что позволяет судить, насколько полно бытует обрядность свадебного цикла в современной городской культуре, а также о сосуществовании современных и традиционных свадебных обрядов. Важная заслуга автора в распределении брачных пар по времени вступления в брак и соотношении бытующей формы обрядности с определенными историческими периодами становления социалистической культуры в Армении.

Важное значение для разработки этносоциологии города имеют сюжеты двух заключительных разделов книги: «Некоторые черты национальной психологии» (автор — Р. С. Оганджян) и «Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности» (автор — А. А. Овсепян). В первом из этих разделов предпринят углубленный анализ функционирующих в культуре Еревана этнических авто- и гетеростереотипов. В целом удачно выявлена роль уже отмеченных в других исследованиях факторов распространения этнических стереотипов. Хотелось бы, однако, отметить, что предмет национальной психологии не исчерпывается изучением этнических стереотипов и, более того, степень распространности этих стереотипов вряд ли составляет этническую особенность того или иного народа. Представляется, что лучше было бы дать разделу соответствующее его содержанию название.

Сюжет последнего раздела — об этнических аспектах использования свободного времени — все-таки слабо разработан в этносоциологии, несмотря, как это ни парадоксально, на обилие социологических работ по этой проблематике. Видимо, это обстоятельство, а также отсутствие соответствующего эмпирического материала помешали сделать достаточно значимые выводы. В названном разделе много внимания уделено анализу используемых терминов.

Нельзя не сказать о некоторых недостатках книги. В ней практически не рассматриваются инонациональные группы, живущие в Ереване, и недостаточно привлекается сопоставимый материал по столицам других союзных республик. Поэтому содержание книги не позволяет в полной мере судить о том, имеют ли процессы, происходящие в Ереване, этноспецифический характер или они часть какого-то более общего социального процесса.

В целом опубликованная книга — один из первых опытов интенсивного изучения современного города с позиций этносоциологии и, несомненно, послужит ценной базой для дальнейшего развития такого рода исследований.

И. М. Кузнецов

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие. Вильнюс. 1985. 140 с. 54 карты.

Этнографическое картографирование — современный эффективный метод изучения традиционной народной культуры. В силу своей специфики — пространственно-временного изображения культурно-бытовых реалий картографический метод позволяет установить закономерности локализации явлений культуры и особенности их функционирования, недоступные выявлению другими методами и историческими дисциплинами. Насущные потребности этнографической науки и вызвали к жизни этнографическое картографирование и создание историко-этнографических атласов.

В настоящее время ведутся работы над составлением региональных атласов Кавказа, Молдавии, Средней Азии и Казахстана. Вступила в стадию завершения подготовка «Историко-этнографического атласа Прибалтики» (в нескольких выпусках), главным редактором которого была Л. Н. Терентьева. Он готовился большим коллективом этнографов академических институтов, университетов и музеев Прибалтийских республик и Института этнографии АН СССР. Первый выпуск его — «Земледелие» — вышел в свет. Карты атласа созданы на основе широкого использования всех доступных фактических материалов, как экспедиционных, так и архивных, литературных и музейных источников, которыми Прибалтика особенно богата.

Авторы рецензируемого атласа в основном придерживались принятых в советской исторической науке принципов этнографического картографирования, с успехом апробированных, например, в историко-этнографическом атласе «Русские» (М., 1967; М. 1970).

Показ исторической динамики традиционной культуры достигается градацией излагаемого материала по двум периодам: середина XIX в., конец XIX — начало XX в. Из-за отсутствия репрезентативной базы источников хронологический срез середины XIX в. для некоторых элементов агрокультуры отсутствует, и большинство карт рассматриваемого выпуска относится к периоду конца XIX — начала XX в. Карта 37 выходит за хронологические рамки атласа, так как на ней отражено распространение